

Рисунок Марины Медведевой

5.

9 февраля 1806 года по христианскому и 20 зульгада 1220 года по магометанскому летоисчислению в безветренный, безвьюжный, спокойный, но режущий, будто кинжал, морозный вечер крупные хлопья снега накрыли белым полотном лагерь, разбитый Аббасом Мирзой в степи Харамы, на северном берегу Аракса. Ядреный вечерний мороз и окутавшая все вокруг белизна словно говорили об изначальном спокойствии, вековечной безопасности степи Харамы, и, конечно же, никому стороннему и в голову не могло прийти, что в еле отличающихся друг от друга армейских шатрах в этой белизне писалась будущая судьба сотен и сотен людей — русских, персов, азербайджанцев, грузин, лезгин, аварцев, кумыков, ведущих войну не на жизнь, а на смерть на Южном Кавказе: кто-то будет убит, кто-то уцелеет в шаге от пропасти, кто-то на всю жизнь останется калекой, кто-то на пороге смерти станет проклинать русских солдат, а другие — сарбазов Каджаров, кто-то в тот последний миг своей жизни, истекая кровью, обрушит проклятия на Александра I, а кто-то — с той же ненавистью — на Фатали-шаха.

Аббас Мирза в своем шатре, устланном коврами, паласами, заткнутом кое-где кошмой, чтобы не проникала стужа, обсуждал со своими прибли-

женными то, что русский Наместник — генерал Цицианов двинул свои войска на Баку, и Наследник¹ нисколько не сомневался, что русские легко подчинят себе Бакинское ханство. У Гусейнкули-хана не было ни серьезных сил, ни достаточного, как у покойного Джавад-хана, мужества, и Аббас Мирза был совершенно убежден, что после того, как уплывет и Бакинское ханство, выбить русские войска из Северного Азербайджана станет делом сверхсложным.

А дела и вправду складывались непросто: Англия и Франция воевали друг с другом, обе противоборствующие стороны старались перетянуть на свою сторону Баба-хана, обещали оружие и снаряжение, на деле ничем существенным не помогли, присланное несколько лет назад оружие куда-то исчезло, устарело или было выведено из строя, и Аббас Мирза понимал, что теперь, когда Бонапарт превратил Европу в пороховой склад, ни от англичан, ни от французов серьезной помощи, чтобы сразиться с русскими, не дожждаться.

Разумеется, и англичане, и Бонапарт хотели руками Баба-хана ослабить Россию, пресечь актив-

¹ Фатали-шах Каджар официально назначил своего сына Аббаса Мирзу наследником.

ность России на южном направлении — это яснее ясного, но Баба-хан, вне зависимости от желаний англичан и французов, также был вынужден противостоять России, ибо ее южные амбиции угрожали непосредственно интересам Каджаров. И подобно тому, как Европа хотела привлечь Каджаров к противостоянию с Россией, так и Фатали-шах, и Наследник хотели использовать европейцев в этом противостоянии, но в результате Цицианов вслед за Грузией покорил самые большие и авторитетные ханства Азербайджана — Карабах и Гянджу, ушло и Ширванское ханство, и было ясно как Божий день, что не сегодня-завтра падет и Бакинское.

И в это время в шатер ворвался евнух Абдул Рахман. Не обращая ни на кого внимания, энергичными шагами, так не соответствующими его рыхлому, мясистому телу, подскочил к Аббасу Мирзе. Подобной прерогативой — врваться без доклада к Фатали-шаху и Наследнику и что-то нашептывать им — обладал только скопец. И на сей раз он, приблизив свои толстые губы к уху принца, что-то торопливо прошептал ему.

По тому, как мгновенно изменился в лице Аббас Мирза, приближенные поняли, что произошло нечто сверхважное. Аббас Мирза, какое-то время глядя в зелено-желтые, напоминающие кошачьи, глаза евнуха Абдул Рахмана, молчал, затем, переведя взгляд на собравшихся, сам положил конец этой напряженной тревоге:

— Вчера утром Гусейнкули-хан... — Аббас Мирза на мгновение умолк, будто сам не верил словам, что сейчас произнесет... — организовал покушение на прибывшего на встречу с ним Цицианова... — Затем, помолчав еще какое-то время, произнес: — Слава Аллаху! — И снова, после напряженного молчания, добавил: — Но надо поглядеть, чем все это кончится!

И тут же Аббасу Мирзе подумалось, что Гусейнкули-хан изначально был человеком двуличным и нечестным: то лебезил перед Баба-ханом, то заигрывал с Наместником, но что удивляться: честь и политика никак не сопрягаются друг с другом, это Аббас Мирза осознал с тех самых юных подростковых лет, когда стал видеть себя после отца мужественным — да, мужественным! — полководцем и справедливым шахиншахом.

6.

Небесный свод был полон ярко сияющих звезд. В ту морозную февральскую ночь 1806 года подобное предрассветное, усеянное звездами небо было в этих местах весьма редким явлением.

Группа сопровождения вместе с немым Лал Кафароглу ехала впереди, а Молла Музаффар и Махмуд-бек — чуть поодаль, уставшие за ночь кони иногда останавливались, оглядывались по сторонам, словно раздумывая, много ли осталось до конца пути.

Гусейнкули-хан, чьи нервы после вчерашнего тяжелого заседания дивана были на пределе, хотел было поручить отрезать голову Цицианова самому Махмуд-беку, но у него не повернулся язык, и как только завершилось заседание, он тотчас удалился в свои покои и, в отличие от всегдашнего, запершись, остался один. Заправленная нефтью лампа в опочивальне горела до утра, и чем там занимался Гусейнкули-хан, было известно только Аллаху и ему самому, но утром, когда он вышел из комнаты, это был будто совсем иной человек. Кроткий, приветливый, улыбчивый, он внезапно изменил свое решение, счел, что не стоит превращать племянника, Махмуд-бека, в мясника и, не доверяя никому другому, поручил отрезать голову Наместника Лал Кафароглу.

Известный бакинский мясник Баларза вместе со своим подмастерьем, толкая впереди себя большую колоду для рубки мяса, выкатил ее с начала базара до самых Двойных крепостных ворот, а охранники приволокли по земле труп Цицианова и подтянули его головой к колоде. Мясник Баларза, всю жизнь занимавшийся тем, что разделявал туши рогатого скота и овец, вместе со своим подмастерьем стоял в стороне. Увидев, что его ученик с напряженным интересом смотрит в сторону колоды, крикнул:

— Эй ты, отвернись, не гляди туда! — И вместе с оставшимся недовольным подмастерьем отвернулся и сам, чтобы не видеть, как отрубают человеческую голову: Наместник был гяуром или еще кем-то, но как-никак — человек.

Лал Кафароглу схватил Наместника за волосы, так чтобы выпрямилась шея, и, подняв секач, что держал в правой руке, одним ударом отсек голову князя Цицианова от тела.

Голову Наместника сунули в мешок, а останки погрузили в запряженную двумя волами арбу, и после того как арба тронулась, Баларза схватил своего подмастерья за локоть.

— Ты куда? — спросил он, видя, что тот хочет двинуться в сторону колоды.

— Надо же забрать колоду.

— Куда забрать? — сказал Баларза с явным огорчением. — Разве стану я теперь разделявать на ней мясо и продавать людям?

И крупный, толстый мясник Баларза, чуть покачиваясь из стороны в сторону, стал удаляться от

Двойных крепостных ворот. Ученик поплелся за ним, как ягненок за овцой.

Баларза лишь один раз придержал шаг, глянул назад, на колоду, не один год служившую ему, и сказал будто сам себе:

— Жаль ее! Отличная была колода! Пропала!..

Через много-много лет, доживший до девяностолетия тот самый подмастерье иногда вспоминал зимнее утро, когда у крепостных ворот была отрезана голова Цицианова, и слова огорченного мясника Баларзы: «Жаль ее!.. Отличная была колода, пропала!..»

А колода так и осталась лежать у крепостных ворот, пока в один из зимних дней откуда-то не прилетела черная ворона и, сев на нее, не стала расклеивать сгустившуюся, стекшую на колоду кровь...

...Махмуд-бек в сопровождении своего небольшого, в четырнадцать человек отряда из особо доверенных, удалых всадников в тот же вечер, не теряя времени, вместе с Молла Музаффаром и Лал Кафароглу отправился в путь в Тегеран.

До Сальян оставалось совсем немного; кони Молла Музаффара и Махмуд-бека шли рядом.

Всю дорогу Молла Музаффар часто закрывал глаза, моля в душе Аллаха, чтобы тот простил ему его грех, но, открывая глаза, снова непроизвольно глядел на мешок, притороченный к седлу коня Махмуд-бека, и ему казалось, что он сам отрубил ту Голову, что покачивалась в мешке. Эта мысль, это чувство пронзали, заставляли содрогаться Молла Музаффара, который за всю свою жизнь не отрезал голову даже курице. Он смежал веки, сжимал оставшиеся здоровыми зубы и снова принимался за молитву, хотя уже уверовал, что его мольба не будет услышана, но другого пути не было: Молла Музаффар считал себя истинно верующим человеком и продолжал молить о прощении.

У него не было ни крохи сомнения, что хозяин этой Головы сейчас пребывает в аду — «Аллах — тот, кто быстро сводит счеты»¹ — учит Коран, но эта убежденность несколько не уменьшала охватившее его всего чувство вины: с того момента, когда он предложил отрезать голову русского Наместника, это чувство не покидало его. Ни горечь вины, ни холод предрассветного зимнего утра, сковавший его тело, не действовали на Молла Музаффара: он не ощущал стужи, только слезились глаза, и всякий раз, когда, прикрыв веки, он молил Аллаха о прощении, по его щекам стекали две

слезинки, и Музаффару казалось, что эти слезы не от мороза, а от чувства совершенного греха.

На том диване, куда он был приглашен самим Гусейнкули-ханом, Музаффар видел в создавшемся для Баку тяжелом положении единственный выход в том, что и предложил: отрезать голову Наместника и отправить ее Фатали-шаху. Быть может, сердца одного из этих чудищ — русских или Каджаров — хоть немного остынут, и один из них, пусть временно, станет относиться к Бакинскому ханству дружелюбней. Не забота о ханстве или каком-то служении династии и даже личности бакинского хана руководили Молла Музаффаром — речь шла о черных тучах, нависших над Баку, о судьбе жителей Апшерона. Но предложение отрезать, отделить голову от тела и, стало быть, предать земле безголовым тело человека, ушедшего в мир справедливости и там держащего ответ пред Всевышним за свои деяния, тоже было греховно и никак не красило Молла Музаффара.

Молла Музаффар всегда высоко ценил «Тагву», вобравшую в себя основные запреты, нравственные ценности, постулаты Священного Корана, и уже с самой юности избегал поступков, что могли разгневать Создателя. И, конечно же, очень страдал от того, что именно он смог предложить подобное. Молла Музаффар был уверен и в том, что Всевышний никак не сможет простить грех сего лютого предложения. Смешно думать, советуя предать земле безголовое тело, и надеяться, что Всевышний закроет на это глаза. Молла Музаффар был полностью убежден, что, предложив подобное, он сбился с предначертанного Аллахом пути, и его охватывал озноб — не от стужи Муганской степи, по которой они неслись на конях в это зимнее утро, а именно от этой мысли.

Убежденный, что не будет прощен, Молла Музаффар продолжал тем не менее молить Аллаха о прощении.

Молла Музаффар уже перешагнул семидесятипятiletний рубеж, и, считая неподобающим жить более шестидесяти трех лет, отпущенных и самому Пророку, был личностью известной не только в Бакинском, но и в соседних Кубинском и Ширванском ханствах, воспринимался людьми как истинно праведный человек в Ленкоранском, Карабахском, Гянджинском и Шекинском ханствах. И бывало, даже заносчивые отпрыски ханских династий, что бахвалились: «Я не ем плова, боясь измазать усы в масле!», то есть «не размениваюсь на пустяжное!», не считали для себя зазорным прибыть перед свадьбой в Баку, чтобы именно Молла Музаффар заключил их брачный договор. И само участие, по приглашению имени-

¹ 4-й стих суры «Аль-Маида» («Скатерть») Корана.

тех беков, подобно Гаджи Мухтару, в случавшихся траурных церемониях, ведение им этих печальных процессий, приносили убитым горем родным усопших не только утешение, но и дополнительную славу и честь.

Конечно, Музаффар всей душой верил в единоначалие Аллаха, и в то же время, проведя всю свою жизнь в молитвах, плотью и кровью был связан с Апшероном, в земле которого покоились его предки. В его сознании служение авторитетом и советами Бакинскому ханству было богоугодным делом, это радовало дух и память ушедших, чьи кости слились с землей Апшерона. И у него было такое ощущение, что он нес на своих плечах в последний путь всех усопших за долгие века

на земле Апшерона. И в эти далеко не простые времена безопасность и благополучие бакинцев для Молла Музаффара были важнее всего, и не было дня, чтобы он не молился и не творил намаз, прося у Всевышнего заступничества...

Молла открыл глаза и, подняв голову, глянул на небо: да, на фоне подобной отдаленности и от земли, и друг от друга звезд, которых было не счесть, перед лицом такого величия Вселенной, прегрешение одного человека неожиданно показалось ему совершенной малостью. Но в тот же миг он подумал, что могущество Всевышнего, создавшего все — от муравья до бесконечной Вселенной, — настолько бесконечно, что позволяет воздать каждому за его деяния.

Аллах — всемогущ, и если не дал бы согласия, то он, Молла Музаффар, никогда бы не озвучил свое предложение — Молла вздрогнул от этой мысли: с одной стороны — ты молишь Аллаха, с другой — оправдываешь себя, значит, ты — Молла Музаффар — в числе тех, кто, совершив дурное, хочет призвать в союзники самого Создателя? Ты совершил

такой грех, которому нет отпущения, изначально это такое падение, что черной чертой перечеркивает все твои прежние благодеяния, поэтому ты и не жди от Аллаха прощения!

И в этот миг Молла Музаффару почудилось, что кто-то глядит на них, кто-то следит за ними, это Молла ощутил почти физически, он даже выпрямился в седле, огляделся: в такое время можно ожидать всего чего угодно: предательство, продажность, алчность, словно затаившись, поджидали их, и как только пробил час, вышли наружу из засады. И Молла Музаффар иногда подумывал, что нынешнее время — именно то, когда Всемогущий подвергает испытанию своих слуг.

Несмотря на годы, Молла Музаффар, в общем-то, был человеком здоровым, Аллах сохранил ему остроту зрения, что была и пятьдесят лет назад. И Музаффар внимательно огляделся вокруг: в эту звездно-лунную ночь в Муганской степи, которой, казалось, никогда не будет конца, кроме них не было ни единой живой души, но беспокойство не отпускало, он почти кожей ощущал на себе какие-то чужие взгляды — на сей раз ему показалось, что кто-то глядит на них сверху, и Музаффар, подняв голову, снова вперился в небо. В эту звездно-лунную, тихую зимнюю ночь свод неба был чист — без единого облачка; кто, как не Аллах, в этой ясности и чистоте мог зреть с неба?

Прошло еще какое-то время, и Молла Музаффару показалось, что и кони, что-то почувствовав, встревожились — наострили уши, фыркали, перекатывали удила во рту, и он посмотрел на мешок, притороченный к седлу коня едущего рядом Махмуд-бека. Голова русского Наместника, известного своей жестокостью и деспотичностью всему Азербайджану, могла сорваться с седла, стать в этой чужой Муганской степи, вдали от родной обители, пищей для птиц и зверей, всякой живности. И ввергло ее в нынешнее состояние не предложение Молла Музаффара, а воля Аллаха. «Что с тобой, Молла? Прости меня, Господи! — и сейчас ты снова перекладываешь свою вину на Всевышнего?» Испугавшись собственных мыслей, он повторно прошептал: «Прости меня, Господи!»

Хозяин Головы сейчас горит в огненной геенне — в этом не могло быть сомнения, это результат твоих злодеяний, ведь, оставив свой дом, свой очаг, свой кров, ты являешься, проливаешь кровь на земле другого, осыпаешь снарядами города и села, лишаешь людей — слабых и сирых — куска хлеба, и не в ответе за содеянное? Это же невозможно, ведь есть на небе НЕКТО, кто видит и оценивает все, — мир покоится не на произволе.

Кони шли рысью, и Молла Музаффар, поглядывая на мешок, пронесил все эти мысли через себя, но в то же время и беспокойство не оставляло его: какие-то взгляды сопровождали их — и беспокойство не исчезало, Молла никак не мог подавить в себе это чувство: словно они ехали, преследуемые чьими-то незримыми взглядами.

И вдруг, совершенно неожиданно, его охватило страстное желание: ему захотелось услышать пение азана¹ служителем, обладающим очистительным голосом, далеким от всякой греховности,

будто весь он, Молла Музаффар, погружен в какие-то нечистоты, а этот азан смоеет, очистит его.

Еще не рассвело, и на сей раз Молла Музаффар посмотрел не на мешок, притороченный к седлу коня Махмуд-бека, а на него самого. Молчавший всю дорогу Махмуд-бек, наконец, тоже отведя взгляд от какой-то далекой неведомой точки, посмотрел на Молла Музаффара.

— Не устали? — уважительно спросил он.

— Нет, не беспокойся, бек, — откликнулся Молла Музаффар.

— Вам не холодно? — снова задал вопрос Махмуд-бек.

— Нет, все в порядке, — ответил Молла Музаффар и, наверное, чтобы избавиться от докучливых мыслей, спросил: — А как ты?

Казалось, все существо Махмуд-бека было переполнено, и этот вопрос позволил ему выплеснуть все, что накопилось у него на душе:

— Дал бы Аллах мне такой меч, чтоб я одним ударом расправился со всеми — русскими, французами, англичанами в Европе и иными на свете. Да и с персами!.. С арабами!.. И эфиопами!..

Молла Музаффару были известны убеждения и бескомпромиссность этого молодого человека, но несмотря на это, он произвольно поднял голову, глянул на небо. Перед величием Вселенной, ярко освещенной мириадами звезд в этот холодный предрассветный час, слова Махмуд-бека показались ему намного более незрелыми и пустыми, чем прежде.

Скривив слезящиеся от холода глаза на Махмуд-бека, он сказал:

— Значит, ты хочешь предать мечу всех людей на свете, чтобы на земле оставались одни турки?

— Да! — с той же бесшабашностью выпалил Махмуд-бек и повторил: — Да, уважаемый, да! Ибо весь мир — враги нам!

Слабая улыбка скользнула по лицу Молла Музаффара, и он спросил:

— Но разве сами турки дружны меж собой? Когда ты предашь мечу всю массу людей на земле, разве турки больше не станут уничтожать друг друга?

Махмуд-бек посмотрел на своего спутника и, ничего не ответив, отвел от него взгляд.

После этого они еще какое-то время молча ехали рысью, молчание нарушил сам Молла Музаффар:

— Аллах никогда не вручит тебе подобный меч, Махмуд-бек. Всех, кого ты хочешь уничтожить, сам Всевышний обратил в себе подобных. И у тебя нет таких полномочий, чтобы стереть их с лица земли. Эти рассуждения — большой грех, сын

¹ Азан — призыв служителя с минарета мечети к богослужению, намазу.

мой... Святой Имам Авибн Абуталиб говорил: «Значимость человека равна его прекрасным деяниям. Пролывая кровь, ты ничего не добьешься, только будешь посрамлен...» И Молла Музаффар произнес один из стихов Священного Корана, который знал наизусть: «Тот, кто безгрешен, будет храним милосердием Аллаха и навсегда останется в раю!»

Махмуд-бек снова ничего не ответил, казалось, он даже не слышал, что говорил Музаффар, сказанные Моллой прежде слова: «А что, турки больше не станут уничтожать друг друга?» застряли у него в мозгу, бились в висках, застилали пеленой глаза.

Почти достигший тридцатилетия Махмуд-бек посвятил свою жизнь изучению истории турок, стремился всем существом следовать ее назидательным урокам. На Апшероне и стар и млад придерживались убеждения, что Гусейнкули-хан посадит после себя на трон не собственного сына, а племянника, что славился мужеством и отвагой, был с народом в радости и беде. Но сам Махмуд-бек не только не мечтал о заветном для иных ханском престоле, больше того, даже не помышлял об этом, так как для него в первую очередь не было иной цели, чем создание общего тюркского государства, единение двух тюркских колен — Османов и Каджаров, прекращение их нескончаемой вражды, больших и малых войн.

Ирония Молла Музаффара, едущего рядом в этот предрассветный холодный зимний день, попала точно в цель: «Чья была кровь, что лилась с двух сторон во время сражения при Чалдыране?¹ Тюрки! А кто при этом выгадал — Европа! Османы при Чалдыране нанесли поражение шаху Исмаилу, а на деле только ослабили самих себя. Те триста орудий Султана Селима, что были нацелены при Чалдыране на Сефевидов, могли разнести всю Европу. Турки добрались до самой Вены, и если после сражения с Сефевидами при Чалдыране они не отвели бы свои войска из пуповины Европы, сейчас история писалась бы совершенно иначе, вся Европа оказалась бы в руках турок, и сейчас не было бы места ни английскому коварству, ни французской пронырливости. И посмела бы после этого русская императрица Екатерина прибрать и присоединить к себе Крым? Или же отнять у Султана Селима весь северный берег Черного моря и выйти к предгорьям Кавказа? Европейские короны спасли не европейцы, а Сефевиды. Разве хан

Тохтамыш не был тюрком? Захватил, сжег дотла Москву², а что предпринял позже? Вместо того, чтобы, уничтожив, стереть русских с лица земли, ввязался в войну с таким же, как он сам, тюрком Амиром Тимуром. Но разве это единственная черная страница в истории турок? Поэтому ныне ситуация и приняла такой оборот. Османы вынуждены, боясь потерять оставшиеся земли, приняться за реформы; если и остальные земли будут потеряны, то вчерашние подданные превратят турок в свою прислугу.

Каджары надеются получить от Европы оружие и снаряжение, иначе судьба их династии завершится господством русских, и Махмуд-бек еще раз подумал, что все это — результат того, что турки разобщены, отчуждены, сражаются друг с другом.

Три года тому назад Махмуд-бек вместе с несколькими молодыми людьми, которых считал идейными друзьями, отправился в Стамбул — он хотел разъяснить ситуацию, призвать османских турок к единству, мечтал, чтобы Османы возглавили это единение, ждал помощи от них, чтобы защитить Азербайджан от русских, но Султан Селим даже не принял его. Но чего было ждать, если Султан не чистый тюрк, если его мать — дочь европейского гяура³? Тюрк должен быть чистокровным, иначе он не станет служить тюркам. Речь идет о великом служении, о могущественном тюркском государстве, таком государстве, где все остальные народы — русские, англичане, французы, персы, арабы, эфиопы — подчинялись бы тюркам.

Хотя разве Амир Тимур не был чистым тюрком? Что он сотворил с Баязитом, даже добился, чтобы плененного султана привезли к нему в железной клетке⁴. А кем был сам Султан Баязит? Тюрк! Разве Узун Гасан, заключивший союз с Венецией⁵, не был настоящим тюрком? Борясь с Османами, воспользовался помощью Иоганна⁶,

² Правитель Золотой Орды хан Тохтамыш в 1382 году захватил и сжег дотла Москву, затем во время сражения под Терекком с Тимуром в 1395 году потерпел поражение. Тем самым начался упадок Золотой Орды.

³ Родина матери Султана Селима — Валиды Султан Мехришах — Генуэзская республика, ее настоящее имя — Агнеш.

⁴ В 1402 году Тимур, одержав победу в войне против Османской империи, захватил в плен Султана Баязита.

⁵ В 1472 году в войне с османами правители династии Аккоюнлу заключили союз с Венецианской республикой.

⁶ Правитель государства Аккоюнлу Узун Гасан в войне с Султаном Мехметом Покорителем заключил союз с греческим императором Трабзона Иоганном Хомменнем и женился на его дочери Феодоре. Его дочь от Феодоры — Дессичне-хатун — Алемшах Бегим (Марта) была матерью шаха Исмаила.

¹ Имеется в виду знаменитое сражение между империями Османов и Сефевидов 23 августа 1514 года на Чалдыранском поле близ города Маки.

даже женился на его дочери. А тюрк Мираншах и каздивший его сына Кара Юсиф?¹ А кем были Ибрагим и Сеид Ахмед², вступившие в союз с царем Константином, против того же Кара Юсифа? Настоящие тюрки!

Надир-шах пошел войной на Азербайджан, сжег дотла такой райский уголок, как Шеки, а все потому, что Гаджи Челеби³ не подчинился ему! Кем были Надир, Гаджи Челеби и все остальные? Чужаками или тюрками?!

Почему?

Отчего тюрки изничтожали друг друга?

Махмуд-бек снова отвел глаза от какой-то далекой неведомой точки, посмотрел на Молла Музаффар:

— Уважаемый, прошу простить меня, чуть раньше вы напомнили, что тюрки сами уничтожают друг друга. Разве Аллах сотворил тюрк врагами друг другу?

— Конечно же, нет, — сказал Молла Музаффар. — Аллах — справедлив, он наказывает тех, кто ступил на кривую дорожку. Аллах желает, чтоб его создания испытывали друг к другу любовь, были опорой друг другу.

Махмуд-бек внимательно слушал своего спутника, помолчал какое-то время, затем сказал:

— Значит, необходимо помочь Всевышнему!

Поначалу слова Махмуд-бека в этот холодный предрассветный час прозвучали богохульно, и священнослужитель вспомнил еще одно изречение Священного Корана: «...Мы создали вас (вашего праотца Адама) из земли, плоти, свернувшейся крови, затем принявшего определенный, целостный вид (рожденного вовремя) куска мяса (или рожденного раньше времени), чтобы явить свое могущество...»⁴. Что означает желание раба Божьего оказывать помощь обладателю такого могущества — не иначе как потуже приравнять себя Всевышнему, как стремление стать даже выше Его?

¹ В 1406 году правитель государства Акгоюнлу Кара Юсиф нанес поражение в войне Абубакру, сыну Мираншаха, назначенного Тимуром правителем Азербайджана. Абубакр был убит. В битве с Мираншахом через два года Кара Юсиф одержал победу, Мираншах также был убит.

² Ширваншах Ибрагим I вместе с Кахетинским царем Константином II и Шекинским ханом Сеидом Ахмедом образовали союз против Кара Юсифа.

³ В 1744 году Надир-шах совершил поход на Азербайджан и Дагестан. Шекинский хан Гаджи Челеби оказал ему яростное сопротивление у горной крепости «Гелерсен-герярсен» («Придешь-увидишь»). Какое-то время Надир-шах осаждал крепость, но, так и не сумев захватить ее, предал разорению город Шеки.

⁴ Сура «Аль-Хасс», 5-й стих.

И в это же время Молла подумал, что Всемогущий призывает рабов Божьих к истине, справедливости, милосердию, и если не все следуют этому завету, старание, желание направить их на путь истины не означает ли само по себе и помощь Создателю?

— Но только без кровопролития! — произнес Молла и после некоторого молчания добавил: — Пусть Аллах одарит мудростью твою веру, сынок!..

Ушедший мыслями далеко Махмуд-бек, казалось, даже не слышал слов спутника — его взгляд устремлен вдаль, а сдвинутые на переносице брови, суровое выражение лица свидетельствовали о сотне преград, почти заставляющих впасть его в безумие изнуряющих грез.

И Махмуд-бек вновь вспомнил свою поездку в Стамбул. Когда он вместе со своими вроде бы идейными друзьями добрался до столицы, то выяснилось, что для них, этих «друзей», было куда предпочтительней восхищаться танцем живота гречанок, арабов, эфиопок, армянок, потягивая кальян, попивая раки⁵, тратить все, что было в личности, на этих девушек, нежели приведшие их в Стамбул бессмысленные и ложные идеи. Затем, оставив Махмуд-бека одного, они пропали — уйдя кто куда, и один Аллах ведает, где они ныне обитают, Стамбул засасывает подобных, вероятно, засосав уже, проглотил...

Внезапно — почему? — Молла Музаффару вспомнился Шариф-бек — в отличие от многих духовных лиц, он относился к толмачу с уважением, считая его образованным, просвещенным человеком, — и в это самое время, поразительно! — до его ушей в этой Муганской степи внезапно донесся колокольный звон. Молла явственно слышал этот звон. Он содрогнулся — что это было? На что намекало? Что предвещало?

И Молла Музаффар снова непроизвольно посмотрел на мешок, притороченный к седлу коня Махмуд-бека, и, все еще ощущая на себе преследующие его безадресные взгляды, закрыл глаза, и то самое желание вновь подняло голову в его душе — быть может, впервые за всю свою долгую жизнь в этот день ему столь страстно захотелось услышать азан, призыв к молитве.

Молла снова стал про себя молить Аллаха — как-никак, Аллах может слышать то, что у тебя на сердце, и Священный Коран призывает не сомневаться в милосердии Аллаха. И ты не теряй надежды, Музаффар...

А рассвет все не наступал.

⁵ Раки — турецкая водка.

* * *

...Скачущие по дороге всадники — это люди Гусейнкули — Бакинского хана, и Он уже знал, что в том мешке ГОЛОВА, но это нисколько не сказывалось на ЕГО бесплотной, невесомой субстанции.

Память напомнила ЕМУ едущих впереди двух всадников — старого моллу, встретившего ЕГО хлебом-солью, чтобы преподнести ЕМУ ключи от Баку, и молодого бека, стоявшего рядом с ханом у Двойных ворот крепости.

И в мешке, свисающем с седла коня молодого бека, покачивалась ГОЛОВА, и ОН был совершенно равнодушен к тому, что Голова — ЕГО Голова — отсечена от тела.

Но в ЕГО бесплотной и невесомой субстанции стало рождаться и понемногу расти такое чувство, что Голова не хочет отпускать ЕГО, Голова подавляет страсть и желание лететь навстречу силе, притягивающей ЕГО к самому СЕБЕ.

А тот, другой, глупый молла, в этот момент глядел на звезды, поражаясь, сколь много их на небе и как необъятно мироздание.

Несчастный и невежественный человек, откуда тебе ведать, что такое «много» и что такое «необъятное»?

В том видимом измерении не существует чисел и слов, отражающих эту множественность, и никогда не будет существовать.

Какая бы мысль ни проносилась в ЕГО бесплотной и невесомой субстанции, в каждой была абсолютная убедительность.

В сравнении с этой множественностью, глупый, старый молла, — любое видимое измерение меньше даже разделенной на бесконечные числа крупинки апшеронского песка!

Однако откуда сам ОН получил эту информацию?

Что такое подобная бесконечность и подобная малость?

Когда это выяснится?

Но... в этой бесплотности и невесомости ведь не было времени.

Продолжение следует.